

чтобы его крестьяне регулярно ходили исповедоваться и причащаться, выполняли религиозные обряды, знали молитвы. Иногда он запрещал жениться тем, кто не знал молитв. В литературе распространено мнение, что Аракчеев не разрешал крестьянам собираться на так называемые посиделки, но это не совсем так. Посиделки были обычным явлением в его имении, только на них обязательно должен был присутствовать либо сельский староста, либо кто-то из почетных жителей деревни для того, чтобы пресекать всякого рода потасовки и проникновение посторонних лиц. Особенно активно боролся Аракчеев с пьянством, он закрыл все кабаки на территории вотчины и запретил крестьянам покупать вино на стороне.

Аракчеев открыл в своем имении госпиталь со стационарным отделением, услугами которого пользовались, причем бесплатно, все жители вотчины. Его финансирование — оплата лекаря и лекарского ученика, покупка медикаментов и оборудования, обеспечение продовольствием, постельным бельем и другими принадлежностями — производилось за счет средств графа. В отдельные годы эти расходы составляли от 2,5 до 3 тыс. рублей [5. Ф. 154. Оп. 1. Д. 334. Л. 108—110]. Кроме лечения больных, находящихся в стационаре, лекарь обязан был выезжать к больным на дом, а также совершать регулярные объезды деревень и проводить оспопрививание. Такие чрезмерные нагрузки приводили к тому, что лекари в Грузино не выдерживали больше 2—3 лет, несмотря на высокое жалование — до 1,5 тыс. рублей в год.

Вотчинная администрация и лекарь госпиталя также были обязаны следить за санитарным состоянием в крестьянских домах и на деревенских улицах. Все крестьянские дома (именно дома, а не избы) были снабжены стандартными окнами с форточками, что позволяло проветривать помещения. Чистота должна была поддерживаться во дворах и хозяйственных помещениях. Родители обязаны были следить, чтобы дети не ели немые фрукты и овощи. Роженицы должны были рожать либо в госпитале, либо под присмотром лекаря. Случаи родов в поле или на других работах, что было распространено тогда в России, практически не отмечались. Аракчеевым были написаны «Краткие правила для матерей — крестьянок грузинской вотчины», где в доступной форме были изложены требования гигиены по уходу за младенцами, их кормлению и воспитанию.

Естественно, что побуждения не только альтруистического, но чисто утилитарного свойства двигали Аракчеевым в выборе методов и способов управления своим имением. Увеличение населения вот-

чины должно было способствовать и увеличению ее доходности. Анализ хозяйственного функционирования грузинской вотчины свидетельствует о том, что А.А. Аракчееву в условиях крепостной России первой трети XIX века удалось создать рентабельное, предпринимательское хозяйство, ориентированное на рынок, с хорошей инфраструктурой, грамотной сельскохозяйственной стратегией и высокими показателями доходности.

Список источников и литературы

1. Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 18 — 62.
2. Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996.
3. Федоров В.А. М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.
4. Отто Н.К. Черты из жизни графа Аракчеева // Древняя и Новая Россия. 1875. Т. 1. №4. С. 376 — 393.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
6. Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. Новгород, 1872.
7. Яковкина Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX в. // Вопросы истории России XIX — начала XX в. Л., 1983.
8. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
9. Гуржій І.В. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні (з кінця XVIII ст. до 1861 р.). К., 1962.

К.М. ЯЧМЕНИХИН

Специфика землепользования в округах новгородских военных поселений и пахотных солдат

Рассмотрены особенности землепользования в военных поселениях, показана структура различных угодий в хозяйстве, роль аренды, определена производительность труда на землях пахотных солдат. Отмечен предпринимательский характер покупки земли пахотными солдатами и втягивание замкнутого военно-земледельческого сословия в рыночные отношения.

Интенсивное изучение военных поселений в последнее двадцатилетие заставило по-новому взглянуть на суть и особенности функцио-

нирования этого весьма своеобразного и во многом противоречивого государственного института России первой половины XIX века [1. С. 157—170; 2. С. 80—88; 3. С. 34—48; 4. С. 44—50]. Одним из интереснейших факторов истории военных поселений как пехоты, так и кавалерии было развитие в них сельскохозяйственного производства, призванного по замыслу строителей создать дешевую и надежную базу содержания регулярной армии. Делалось это нетрадиционным путем совмещения двух разнородных государственных функций, выполняемых податным и служивым сословиями, в одном лице — военном поселянине. При этом сохранялся традиционный прием государственного регулирования — максимальное вмешательство во все сферы хозяйственной и бытовой жизни военных поселян.

Исторически сложилось так, что экономические модели развития округов пехоты и кавалерии значительно отличались, так как первые курировались А.А. Аракчеевым, а вторые — генералом И.О. Виттом. Аракчеев попытался насаждать в новгородских военных поселениях систему ведения хозяйства, принятую в его грузинском имении, при этом он старался сделать из хлебопашца отлично подготовленного солдата гренадерских войск. И.О. Витт предложил и сумел реализовать более гибкую и более «либеральную» форму ведения хозяйства, убедив в целесообразности таких мер самого императора и сломив сопротивление всесильного в то время Аракчеева.

Вот почему уже через 15—20 лет с момента организации военные поселения кавалерии в экономическом плане начинают стабильно опережать поселения пехоты. Кроме того, если в южных регионах, более благоприятных для ведения сельского хозяйства, не требовалось значительных затрат для обеспечения стабильной урожайности зерновых и развития животноводства, то в округах пехоты, дислоцированных в Новгородской губернии, для успешного решения этих задач требовались значительные материальные и людские затраты, поскольку урожайность здесь зависела от таких агротехнических приемов, как удобрение полей и осушение почвы [5. С. 34].

Северо-Западный регион страны был старым земледельческим районом с богатыми традициями землепользования и развития агротехники. Расположенный вблизи столицы и обладавший развитой сетью коммуникаций, он постепенно начал специализироваться на мелкотоварном производстве технических культур и фуража. Особенно ценился лен, который пользовался спросом как в России, так и за рубежом. В начале XIX века многие крестьянские хозяйства

(в данном случае государственные крестьяне), достаточно хорошо обеспеченные земельными наделами, угодьями и скотом, были прочно втянуты в товарно-денежные отношения. Успешно развивались отходничество и торговля.

Одним из основных факторов сельскохозяйственного производства является организация землепользования. С введением военных поселений его общинная форма была отменена, а «вся пахотная земля... должна быть разделена по хозяйствам на равные части; сенокосная и пастбищная, во внимание неодинакового всегда урожая травы предоставляется без раздела в общее их (хозяев. — К.Я.) пользование по распоряжению комитета полкового управления, делаемому ежегодно в начале лета» [6. Ф. 405. Оп. 1. Д. 59. Л. 70].

Другая сложность в организации поземельного устройства округов заключалась в том, что некоторые поселяне имели «...свои дачи на праве помещичьем, одни довольно обширные, а другие поменьше; следовательно, разделение земли на равные между ними участки было бы нарушением права собственности, если не определить за одну часть вознаграждение», а поскольку «частное владение военных поселян землей, не совместимое с их званием, и препятствует достижению цели военных поселений», то по приказу Аракчеева было выделено дополнительное количество таких владений для их дальнейшего выкупа [6. Ф. 405. Оп. 1. Д. 59. Л. 86].

В округах пехоты сразу же возник вопрос о наделении поселян достаточным количеством земли, поскольку численность военно-поселянских хозяйств в 2—2,5 раза превышала ранее существовавшую. По расчетам командования, минимальный надел должен был составлять 10 десятин на каждое хозяйство (1 десятина — усадьба и огород, 6 — пашня, по 2 — в трех полях, 2 — сенокосы и 1 — выгон) [6. Ф. 405. Оп. 1. Д. 10. Л. 575].

Практика военных поселений доказала, что если в округах кавалерии подобные наделы были близки к необходимым нормам, то в округах пехоты имеющееся в наличии количество земли было явно недостаточно для выполнения тех функций, которые возлагались на хозяйство военного поселянина. Главный регулирующий документ — «Учреждение о военном поселении» — обошел стороной вопрос о способах наделения поселян-хозяев землей, в нем лишь декларировался принцип сохранения хозяйства поселян в том виде, в каком оно существовало до перехода в военное поселение. Однако при создании округов пехоты, особенно 1-й гренадерской дивизии (Новго-

1,4 млн рублей, в среднем каждая десятина населенных земель обошлась казне в 300, а ненаселенных — в 65 руб., при рыночной стоимости последних около 50 рублей [6. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1469. Л. 20]. Из наиболее крупных приобретений стоит назвать покупку имений М.М. Сперанского (юридически оно принадлежало его дочери), сенатора А. Оболянинова, графини А.А. Орловой-Чесменской и ряда других, стоимость которых колебалась от 120 до 140 тыс. рублей ассигнациями.

В первой половине 1830-х годов в землепользовании округов военных поселений происходит ряд значительных изменений, которые прежде всего касались бывших округов пехоты, преобразованных в 1832 году в округа пахотных солдат. В связи с введением оброчных платежей вместо натуральных поставок продовольствия изменилось и надельное землепользование. Согласно указу от 25 марта 1832 года на каждого хозяина выделялось по 15 десятин [6. Ф. 405. Оп. 2. Д. 3661. Л. 153]. Это стало возможным благодаря тому, что пахотные солдаты отселялись из домов-связей на новые земли, которые они должны были вновь осваивать — третий раз за последние 15 лет. Практика передела земель по равной пропорции не нашла поддержки как со стороны пахотных солдат, так и местного командования, поскольку «в случае наделения всех хозяйств 15 десятинами удобной земли, малосемейные имели бы ее больше, чем в состоянии были обработать, а многосемейные хозяева испытывали бы недостаток в земле». Учитывая это обстоятельство, а также с целью унификации сбора оброка, земля в первых четырех округах Новгородского удела (в нем было шесть округов) была разделена по количеству душ в хозяйствах [6. Ф. 397. Оп. 6. Д. 18. Л. 19—21, 128—130].

Однако душевые участки земли, получившие в среде пахотных солдат наименование «души земли», зачастую отличались размерами даже в селениях одного и того же округа. При этом сумма оброка, взимавшаяся с «души земли», назначалась в зависимости от количества хозяев в каждом округе, не коррелируя с размерами этого душевого надела. Такое несоответствие ставило пахотных солдат, наделенных меньшим количеством земли, в невыгодное положение. Подобная практика была изменена указом от 9 ноября 1835 года, на основании которого предлагалось произвести перенаделение пахотных солдат и уравнивание их в пользовании наделами: каждая душа мужского пола получала 6,5 десятин удобной земли [6. Ф. 405. Оп. 10.

Д. 810. Л. 8]. Межевые комиссии должны были произвести нарезку земли для каждого селения по количеству душ, частное же разделение земли между жителями было предоставлено самим пахотным солдатам «по примеру селений казенного и удельного ведомств» [6. Ф. 405. Оп. 10. Д. 810. Л. 8]. Переделы предполагалось производить через каждые 15 лет. Таким образом, в некоторой степени произошел возврат к основам общинного землепользования. В душевой надел включались: пашня (3 десятины в трех полях), сенокосы (2 десятины), земля под строениями, огородом и выгоном (1,5 десятины). Передача частного наделения в руки самих пахотных солдат была продиктована тем, что земля даже в пределах одного селения зачастую была разного качества.

Перенаделение пахотных солдат растянулось вплоть до 1848 года. Лесные участки не включались в надел и передавались в ведение специально созданного Лесного управления, причем пользование ими разрешалось только на определенных условиях. Так, например, в них категорически была запрещена вырубка леса «для развития внутри оных распашек» [6. Ф. 405. Оп. 4. Д. 4414. Л. 136]. Для покрытия недостатка в земельных угодьях (как правило, это были сенокосы) участки могли выделяться в смежных округах, где наблюдался их избыток. При таком решении вопроса значительно удлинялся путь от селений до угодий, что создавало дополнительные трудности. Особенно сложно было возить на отдаленные участки удобрения, что в значительной степени снижало урожайность.

Стремление к уравнительному землепользованию, т.е. учет хотя бы качества земли и ее удаленность от жилья, приводило к тому, что надельная земля была разделена на большое число полос в каждом поле (до десяти и более), что значительно затрудняло ее обработку и удобрение, а также снятие урожая из-за многочисленных переездов с одной полосы на другую. К концу существования военных поселений удалось довести в среднем на одно хозяйство земельный надел до 19,2 десятины.

Известно, что структура земельных угодий оказывает значительное влияние на приемы ведения хозяйства и уровень сельскохозяйственного производства в целом. По данным известного российского агронома А.В. Советова, зерновое трехполье может успешно развиваться при условии, если лугов в среднем в два раза больше, чем пахотной земли [7. С. 337]. Такого соотношения, по

нашим подсчетам, в большинстве округов пахотных солдат не было, однако они находились в лучшем положении, чем военные поселяне округов кавалерии, где сенокосов было в 2—2,5 раза меньше. Эти показатели в округах пахотных солдат также были выше, чем у крестьян Новгородской губернии, которые испытывали постоянный недостаток в сенокосах. По сведениям Л.Р. Горланова, соотношение пашни и сенокосов в удельной деревне данной губернии составляло 1:1 [8. С. 114—115], в целом же по губернии оно было 3:1 [9. С. 123]. В государственной деревне на душевой надел, по данным Н.М. Дружинина, приходилось 3,44 десятины удобной земли и 7,79 десятины леса [10. С. 214]. У помещичьих крестьян в Старорусском и Новгородском уездах душевой надел равнялся 7,5 десятины удобной земли и леса, у удельных крестьян — 2,7 [11. С. 115; 8. С. 44]. Следовательно, средний душевой надел удобной земли у пахотных солдат, который составлял 6,5 десятины, был больше, чем у крестьян других категорий в данном регионе. При этом необходимо учитывать, что в надел пахотных солдат не входил лес.

Таким образом, пахотные солдаты в отличие от военных поселян округов пехоты, каковыми они являлись до начала 1830-х годов, были обеспечены наделами, гарантирующими минимум для простого воспроизводства при урожайности не ниже сам-3. По мнению исследователей, размер такого душевого надела в первой половине XIX века должен был составлять в нечерноземной зоне 2,5 десятины [12. С. 263—264; 13. С. 268].

А.С. Тургаев полагает, что к 1840-м годам произошел трехкратный рост наделных земель, в основном за счет освоения новых массивов [14. С. 14]. На наш же взгляд, это невозможно было сделать по той простой причине, что население округов увеличивалось (за счет поселян-хозяев из солдат) гораздо быстрее, чем рос земельный фонд. По нашим подсчетам, произошло трехкратное уменьшение душевых наделов, прежде всего за счет того, что в них перестали включаться лесные угодья.

Несколько хуже обстояло дело с обеспечением военных поселян и пахотных солдат сенокосами. Перед поступлением в военное ведомство крестьяне Новгородской губернии основную массу сена снимали не с наделных сенокосов, а с собственных расчисток в лесах, называемых «нивами». Так, например, в Новгородском уезде крестьяне снимали 4/5 сена именно с «нив», что по-

зволяло заготавливать на хозяйство от 700 до 1300 пудов сена, которого с избытком хватало на весь стойловый период [6. Ф. 405. Оп. 1. Д. 10. Л. 65].

Но даже после того как военные поселяне утратили право осваивать новые сенокосы в лесах, они были лучше обеспечены этими угодьями, чем другие категории крестьян данного региона. На территорию округов пахотных солдат приходилось около половины всех лугов губернии, но при этом необходимо иметь в виду, что поголовье скота на душу населения у них было значительно выше [9. С. 123—124]. Те пахотные солдаты, в хозяйстве которых было более двух коров на душу, вынуждены были снимать или покупать сенокосы, поскольку наделных лугов для них было недостаточно.

Качество наделных сенокосов, как правило, было неудовлетворительным. Мало было пойменных лугов, основную часть сенокосов составляли «нагорные» или болотные места. Ежегодные переделы этих угодий приводили к тому, что поселяне и пахотные солдаты перестали их «окультуривать». Выше уже говорилось, что лучшие сенокосы получались на расчищенных от леса участках. За счет самоудобрения (оставшихся в земле корней, опавшей листвы) эти участки давали в течение 8—10 лет укусы до 170—200 пудов с десятины, тогда как на остальных лугах эти показатели составляли 35—40 пудов [6. Ф. 405. Оп. 4. Д. 5433. Л. 2—3].

В 30—50-е XIX века годы пахотные солдаты продолжали широко использовать арендные земли. Как правило, аренда носила потребительский характер, но наряду с ней получила распространение и аренда с целью предпринимательской деятельности. Такой вид аренды свидетельствовал об углубляющейся имущественной и начинающейся социальной дифференциации в среде пахотных солдат, поскольку арендаторы крупных участков (до 1 тыс. десятины и более), несомненно, должны были использовать наемную рабочую силу.

Арендвались преимущественно сенокосы и пастбища, гораздо реже — земли под пашни и огороды. Аренда последних имела в основном предпринимательский характер и была развита в районе Старой Руссы. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические сведения не позволяют рассчитать долю арендованных земель в общем земельном фонде округов пахотных солдат, однако можно

смело утверждать, что они в указанный период были обычным явлением.

В Новгородской губернии традиционной была покупка земли крестьянами, что не являлось исключением и для округов пахотных солдат [6. Ф. 405. Оп. 1. Д. 16. Л. 241]. Большая часть приобретений осуществлялась за счет помещичьих земель, но отмечались случаи заключения сделок с крестьянами и других категорий — мещанами, ямщиками. На каждую покупку требовалось высочайшее разрешение, и только с 1853 года для этого стало достаточным положительное решение начальника округа. Удельный вес владельцев земли (относительно мужского населения округов) составлял от 1 до 1,5%. Общая площадь покупных земель в округах к моменту их ликвидации в конце 1850-х годов была размером около 18 тыс. десятин. Особенно много частных земель было в округах, специализировавшихся на выращивании льна. Эта связь крестьянской земельной собственности с возделыванием трудоемких сельскохозяйственных культур неоднократно отмечалась исследователями [15. С. 114]. Удельный вес частных земель в структуре землепользования пахотных солдат, по нашим подсчетам, составлял порядка 5,4%. Но для некоторых пахотных солдат купленная земля была не только подспорьем в ведении хозяйства, ведь она превосходила в десятки раз надел. Значительную часть покупных земель занимал лес. Многие владельцы земель вели хуторское хозяйство.

Большинство исследователей связывают приобретение различными категориями крестьянства земель в собственность со стремлением к экономической независимости. Этот вывод вполне может быть распространен и на военно-земледельческие сословия. Отсутствие налогообложения и переделов приводило к повышению производительности труда на этих землях, что, в свою очередь, вело к увеличению доходности подобного хозяйства [16. С. 36; 17. С. 136—139]. Судя по соотношению группового и индивидуального владений, покупка земли пахотными солдатами имела обычно предпринимательский характер и свидетельствовала о нарастании процесса втягивания в рыночные отношения даже такого, на первый взгляд замкнутого, военно-земледельческого сословия, как пахотные солдаты, поскольку именно на этих землях производилась, как правило, основная товарная продукция как зернового, так и технического характера.

Список источников и литературы

1. Кандаурова Т.Н. Экономическая организация военных поселений кавалерии (1830—1850-е гг.). Опыт количественного анализа статистических атласов // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.
2. Кандаурова Т.Н. Системные звенья хозяйственной организации военных поселений кавалерии: военно-поселянское хозяйство // Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. М., 1995.
3. Ячменихин К.М. Экономический потенциал военных поселений в России // Вопросы истории. 1997. №2.
4. Соломенная Т.В., Ячменихин К.М. Попытка модернизации сельскохозяйственного производства в округах военных поселений и пахотных солдат // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2003.
5. Бычков Г.Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в трех волостях Новгородского уезда. Новгород, 1882.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
7. Советов А.В. Избранные сочинения. М., 1950.
8. Горланов Л.Р. Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797—1863 гг.) // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI — первой половины XIX вв.). Смоленск, 1982.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Новгородская губерния. СПб., 1849. Т. 3. Ч. 3.
10. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1958. Т. 2.
11. Кащенко С.Г. Крестьянские наделы в Старорусском уезде Новгородской губернии в период реформы 1861 г. // История крестьянства Северо-Запада России в XVII—XIX вв. Л., 1983.
12. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
13. Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.
14. Тургаев А.С. Социально-экономическое положение пахотных солдат Северо-Запада России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
15. Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. М., 1972.
16. Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.
17. Рябков Г.Т. К вопросу о производственном прогрессе в крестьянском хозяйстве Смоленской губернии периода кризиса феодально-крепостнической системы // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972.